

## Евгений СТРЕЛКОВ

*Евгений Стрелков родился на Урале в 1963 году, окончил радиофизический факультет университета в Нижнем Новгороде. Художник, литератор, редактор альманаха «Дирижабль». Публикации в журналах, «Неприкосновенный запас», «Звезда», «Урал», «If» (Марсель), «Missives» (Париж), «Дружба народов», «Октябрь». Автор книги стихов «Молекулы» (2015); книга эссе «Фигуры разума» (2015), соавтор (вместе с Эдуардом Абубакировым и Вадимом Филипповым) книги краеведческих этюдов «Ниже Нижнего» (2014). Живёт в Нижнем Новгороде. В «Волге» публикуется с 2009 года.*

### Макарий

Млечные реки, яичные берега,  
полые башни полощут подолы  
в Волге.  
По долу  
туман от реки,  
просторы.  
Вечерня в гулком  
как пустой молочный бидон  
соборе – полутёмном ларе  
для свечей, икон и просфор.  
Гигант Св. Христофор  
в пёсьем обличьи – на одном из круглых столпов.  
Брат-близнец его, рыболов  
снаружи храма распродает улов:  
судаков, налимов, раков.  
Белый Макарий многоголов,  
тих и полон знаков.

### Пермское Море

Белых камней вкрапления в красные глины  
Для масштаба – белый же теплоход  
Его палубы тоже слоются,  
Если подойти к ним  
с геологической меркой,  
то между палубами – миллионы лет.  
Наглядная иллюстрация  
эфемерности бытия.  
И вот я  
Наблюдаю новое море на месте бывшего моря.  
Того, что отложило меловые пласты  
как коржи, что пропитаны ромом истории  
жизни. Тот допотопный мир  
прикрыт кучерявым лесом,  
за мысом

– большая вода рукотворного резервуара  
Плезіозавры ныне плещутся лишь в витринах музеев  
ротозеев дразня  
Непредставимым веком  
Что спрессован, сложен из панцирей  
и роговых пластин.  
Над водой стрекоза  
– трепещет ее хитин.

## **Сфера**

Дерево Сфера царствует здесь над другими  
Над парусами тугими  
Под небесами нагими  
Выражение чистых понятий.  
Вписаны в сферу  
Платоновы формы – все без изъятий.  
Небесные сферы обставлены звуком  
И пифагоровы гаммы  
Уловлены трепетным ухом  
Леса, где звери и птицы расселись слоями  
Дерева Сферы – побегами и корнями.  
Дерево Сфера обнимает округу  
Звездная пыль обозначает дорогу

## **Свет затмения**

1.

Пароходы «Эвелина» и, кажется, «Переворот»,  
и ещё два,  
едва  
отошли от причалов Нижнего – и вот  
прощальная вспышка магния:  
освещены, запечатаны  
участники экспедиции  
в серебро фотопластины.  
По курсу – волжские палестины.  
Паломничество образованной публики на затмение  
седьмого августа тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.  
Толпы народа  
в Юрьевце вокруг наблюдателей неба.  
Кольца короны на фотопластине  
стеклянной,  
деревянной  
треноги ажурная пирамида,  
оловянный блеск волжских вод,

стальной шпиг телескопа,  
пронзивший небесный свод...  
Для тех высот  
понадобятся сильные трубы...  
Через год  
(или чуть позже) Фёдор Бредихин уступит свой телескоп  
нижегородскому кружку любителей физики и астрономии  
– чудесную снасть для планетной и звёздной ловли.  
Пока же матросы ловят с плота плотву, карася, налима...  
Спит у причала в Юрьевце «Эвелина»,  
Над клотиком корабля размечена звёздная трасса...

2.

На обратном пути, в ресторане на палубе первого класса  
под двойной кофе (хронический недосып) решено  
учредить кружок, чтоб прорастить зерно  
знания, чтоб закрепить успех юрьевецкой увертюры:  
лекции, демонстрации, астрономический календарь, брошюры...  
Среди будущих авторов – Циолковский,  
калужский школьный учитель.  
При этом – вольный мечтатель:  
ракетные поезда его, межпланетный его караван...  
Наверняка всё это будет! Сквозь туман  
серости увидим небо в алмазах  
ракетных выхлопов, в рубинах, топазах  
бортовых корабельных огней!  
Смелей,  
Константин Эдуардович, дерзай!  
А мы тут в кружке выверим гранки  
твоей статьи, запустим печатный пресс, какие вопросы!

И вот уже телескоп куплен на первые членские взносы,  
звезды отражены  
в его изумлённых глазницах  
скептики сражены, на лицах  
кружковцев на фото – энтузиазма пыл  
немного пересветил  
снимок Андрей Карелин.

Но тем дольше будем мы различать  
этот свет, эту фотопечать.

## **С видом на реку**

1.

Кружение лодок под мостом ажурным.

Дежурным  
звуком – бой колоколов  
улов  
обещан – ведь погода  
тишь да гладь, природа  
замерла, река не шелохнётся.  
Солнца первый луч рождает тень  
и день  
вот-вот  
займётся...

2.

груженная лесом баржа  
проходит у жаркого пляжа  
саратова, дребезжа  
ржавыми жабрами – ветлужан  
влажный  
привет  
– таёжный, валежный.

### **На Чернышевского**

Три пары очков в деревянных футлярах  
в деревянных флигелях-филиалах  
музейной усадьбы.  
Тусклые линзы – испорченный инструмент.  
Собственно, почти ничего более  
из подлинников, разве что книги, фрагмент  
китайской головоломки, перчатки Оли,  
Ольги Сократовны, её шкатулка.

И Волга, Волга! в конце переулка –  
вот главный козырь музея.  
Глазея  
с деревянного мезонина  
ты ощущаешь идущий от Волги ток. Пыл.

Что делать? – опрометчиво спросил  
наш герой – и вскоре  
Загрел в острог на долгие-долгие годы...  
Позже жил в Астрахани, здесь не бывал – обидно.  
Не войти дважды в те же волжские воды  
и виды – по всему видно.

### **Пижама Питера**

1.  
Пересвеченный Петроград  
– фигурирует плоскостность  
в противовес глубине: парад-  
ных, проходных дворов, коридоров.  
Сколы и наледи ослеплены  
зимним солнцем. Со спины,  
в контражуре, фигуры Румянцева сада  
проецируются на коллоид фасада  
жидко-жёлтого, как бумага верже.  
Бледный город с утра в неглиже  
своего неподвижного тела  
лишь оголтело  
галки и голуби  
пачкают голубизну

2.  
кубометров лазури,  
вываленных на раскрой  
василеостровских пунктиров:  
лифа, нижних юбок, пояса для чулок, кальсон  
плоский город трепетно нанесён  
на кальку, отражен трельяжем  
трёх основных проспектов, обнажён  
разбужен, обескуражен.  
Слегка раздражён  
бесстыдным обилием света.  
Как халата, он ждёт ватные облака

3.  
прикрыть бедра, живот, бугор лобка  
сквера, пролежни площадей.  
Скверно выглядит кожа в черточках труб-утрей  
и как скомканная постель андрей-  
евский рынок в пудре вчерашнего снега  
несвежей уже с утра  
и даже прищур Петра  
на заиндевевшей лошади  
кажется нездоров.  
И глухой хлопок с петра-  
павловки тонет в вороньем «кра»  
и «кар»  
Над невою – пар,  
инфлюенции лёгкий жар  
обостряет зрение, но слезит картинки.  
И собор за рекой как начищенный самовар  
подан к столу заботой местной финки.